

АНН ВЯЗЕМСКИ

МОЙ БЕРЛИНСКИЙ РЕБЁНОК

ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2025

УДК 82-3
ББК 63.3(4)
В99

*Все права на книгу находятся под охраной издателей.
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена
каким-либо способом без согласования с издателями.*

Перевод с немецкого — Клемент Таралевич.

Вяземски, А.

В99 Мой берлинский ребёнок. — М.: Тотенбург, 2025. — 254 с.

Новелла французской писательницы Анн Вяземски «Мой берлинский ребенок» была опубликована в 2009 г. Киноманам Вяземски известна по французскому арт-хаус кино 1960-х, а также как жена и актриса культового французского режиссера Жана-Люка Годара.

Это очень ироничная и легкая книга про парижских русских по мотивам истории ромansa родителей Вяземской в Берлине. Они познакомились на службе в 1945 году, занимаясь делами ДиПи. Отцу Вяземской, простому русскому парижанину, удается сделать карьеру французского дипломата и очаровать работающую в Красном Кресте красавицу-дочь известного писателя-голлиста Франсуа Мориака. Финал новеллы — появившаяся на свет в 1947 году малышка Анн — тот самый «берлинский ребенок».

УДК 82-3
ББК 63.3(4)

© Клемент Таралевич,
перевод с немецкого, 2025

© Издательство «Тотенбург», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ПЕРЕВОДЧИКА	5
СПРАВКА О ПЕРЕВОДЧИКЕ.....	9
ГЛАВА I	12
ГЛАВА II	29
ГЛАВА III.....	35
ГЛАВА IV	38
ГЛАВА V	42
ГЛАВА VI	49
ГЛАВА VII.....	53
ГЛАВА VIII.....	57
ГЛАВА IX	62
ГЛАВА X.....	66
ГЛАВА XI	74
ГЛАВА XII	82
ГЛАВА XIII.....	86
ГЛАВА XIV.....	92
ГЛАВА XV	100
ГЛАВА XVI.....	107
ГЛАВА XVII	117
ГЛАВА XVIII.....	123
ГЛАВА XIX.....	130
ГЛАВА XX.....	132
ГЛАВА XXI.....	140
ГЛАВА XXII	142
ГЛАВА XXIII.....	159
ГЛАВА XXIV.....	167

ГЛАВА XXV	173
ГЛАВА XXVI.....	182
ГЛАВА XXVII.....	186
ГЛАВА XXVIII.....	191
ГЛАВА XXIX.....	198
ГЛАВА XXX.....	203
ГЛАВА XXXI.....	205
ГЛАВА XXXII.....	207
ГЛАВА XXXIII.....	212
ГЛАВА XXXVI.....	215
ГЛАВА XXXV.....	222
ГЛАВА XXXVI.....	230
ГЛАВА XXXVII.....	237
ГЛАВА XXXVIII.....	243
ГЛАВА XXXIX.....	246

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Перевод книги Анн Вяземски «Мой берлинский ребенок» (*в оригинале — фр. Mon Enfant de Berlin*), опубликованной издательством Gallimard в 2009 году — мой дебют на сим поприще. Можно сказать, что эта книга подвернулась мне для перевода довольно случайно, а с другой стороны, она олицетворяет закономерный результат эволюции моего длительного интереса к теме русской эмиграции.

После того, как я сам прожил несколько лет и освоился в Лондоне, стандартные белоэмигрантские произведения, где оплакивается покинутая Россия, с ужасом и трепетом вспоминаются Октябрьская революция и Гражданская война, и лишь вскользь описывается жизнь на чужбине, перестали вызывать у меня отклик. Мне стало интересно узнать, что же было *потом*. *А как росли их дети? А с кем они дружили? А кем они работали? Как их воспринимали местные на их новых родинах? Как они крутили романы с аборигенами? Что об этом думали их родители? И тому подобное.*

Короче говоря, мне хотелось заглянуть в свое будущее на примере чужой судьбы из прошлого.

«Мой берлинский ребенок» — это и есть сама Анн Вяземски, которая родилась в Берлине в 1947 году в семье молодого потомка белоэмигрантов — князя Ивана Владимировича Вяземского-Левашова (1915–1964) и Клэр Мо-

риак (1917–1992) — дочери умеренно правого популярного французского писателя-голлиста Франсуа Мориака (1885–1970). Во время войны Иван служил во французской армии, а Клэр — во французском Красном Кресте. После окончания войны оба занимались вызволением французских граждан из русской зоны оккупации Германии. Казалось бы, их брак должен был быть равноценным — князь из древнего русского рода и дочь видного писателя. Однако, так как родители Вяземского во Францию попали практически ни с чем, Иван Вяземский (в отличие от Клэр) не был представителем золотой молодежи, а рос обычным эмигрантским ребенком из хорошей семьи. Это понятный нам сегодняшним русский человек, можно сказать, из среднего класса. Родители Клэр и сама Клэр смотрели на белых эмигрантов как на странных и бедных инопланетян. Тоже знакомый нам образ — так видели всех русских в недавние 1990-е годы, и этот образ сидит все еще в подкорке у многих на Западе.

Анн не просто посвятила своим родителям книгу, по сути, она написала небольшой исторический роман на основе семейных источников (собственной памяти, писем, документов) и общения с подругой и коллегой родителей по Берлину — дочери белоэмигрантов Ольгой Розен (ур. Стахович), муж которой Леон де Розен (или Лев Львович фон Розен, 1912–2004), тоже белоэмигрант, герой французского Сопротивления, был начальником Ивана в Берлине. Эта книга дает возможность не только узнать о том, чем и как жили русские Франции в конце Второй мировой войны, но и посмотреть на тот период глазами французов — их перспектива известна в России куда меньше американской, британской, или же немецкой. Так-

же книга дает неплохое представление о том, как жили немцы в Берлине после окончания войны, и Анн Вяземски довольно честно это описывает — *vae victis*. Для лучшего погружения в тему я снабдил книгу сносками, чтобы важные детали контекста не ускользнули от читателя, также добавил карты Парижа, Франции и Германии, на которых отмечены упомянутые в романе места, и снабдил текст серией иллюстраций и фотографий по теме.

Доселе лишь одно произведение Анн было переведено на русский язык — ее роман 1998 года «Горстка людей» [фр. *Une poignée de gens*], повествующий об истории ее семьи по линии отца в годы Октябрьской революции и Гражданской войны. По моему мнению, Анн заслуживает большей известности в России. И дело не только в ее ярких корнях — мадам Вяземски сама прожила яркую и насыщенную жизнь. Ей повезло стать звездой французского кинематографа в 1960-х и 1970-х, чему явно способствовал ее брак с культовым французским режиссером Жаном-Люком Годаром. С 1980-х годов Анн беретя за перо, и становится автором более десятка книг, которые будут награждены литературными премиями во Франции. По ее сценариям во Франции снимаются фильмы, а одной из ее книг повезло быть экранизированной — относительно недавний фильм уже про ее собственную любовь «Молодой Годар» [фр. «*Le Redoutable*», 2017]. К сожалению, Анн ушла из жизни в 2017 году, однако с нами по-прежнему ее книги (пускай и не переведенные с французского языка), а также ее родной брат — художник-карикатурист Пьер Вяземски 1949 г.р. и его дочь — племянница Анн — французская актриса и писательница Леа Вяземски. Творчество

этих Вяземских практически неизвестно в России, и ждет своих открывателей, популяризаторов и энтузиастов!

Надеюсь, вы получите удовольствие от прочтения этой книги, и она сподвигнет вас на дальнейшее увлечение судьб Вяземских, Франции, русских эмигрантов и их потомков.

*С уважением,
Клемент Таралевич
Лондон, 2024 год.*

СПРАВКА О ПЕРЕВОДЧИКЕ

Клемент Таралевич родился в 1990 году в Москве. Окончив школу на Кутузовском проспекте и в меру престижный столичный вуз, устроился работать в крупную западную компанию, и в начале 2010-х переехал в Лондон, где с тех пор обитает, работая клерком средней руки в Сити.

Увлекается изучением судеб и творчества русской эмиграции XX века и современности, главным образом в своем телеграм-канале @chuzhbina. В своих блогах публикует небольшие рассказы и повести собственного сочинения про современную жизнь в Лондоне и жизнь в Москве начала 2010-х, рецензии на книги на английском языке про русскую эмиграцию, а также подробные фотоотчеты с прогулок по кладбищам Лондонщины в поисках русских и белорусских могил.

В 2023 и 2024 годах организовал и успешно провел литературный конкурс «Время Перелома» — попытку собрать в прозе летопись нового времени и наградить лучших авторов небольшими денежными призами за собственный счет.

Публиковался в интернет-изданиях VATNIKSTAN.ru и Коммерсант UK. Статья «Русский след в западном глянце» вошла в переиздание издательством «Черная Сотня» книги «Зарубежная Россия 1920–1970» Петра Еврафовича Ковалевского.

*Посвящается Клэр, Виа
и их друзьям с Курфюрстендам, 96.*

ГЛАВА I

Клэр работает водителем скорой помощи Французского Красного Креста. На дворе сентябрь 1944 года, и она все еще находится в городе Безье¹ со своим отделением. В свои двадцать семь лет она весьма симпатичная девушка с большими карими глазами и высокими славянскими скулами. Всякий раз, когда ей делают комплименты, она делает вид, что не замечает их. Ей некогда смотреть на себя в зеркало, а когда на это находится время, Клэр глядит на себя мимолетно и с недоверием.

С тех пор как она устроилась в Красный Крест полтора года назад, она целенаправленно сделала работу своим единственным миром. Ее руководители высоко ценят ее интеллектуальное и физическое мужество, а также ее энтузиазм. Ее коллеги, нередко обладающие социальным происхождением, сильно отличающимся от ее собственного, уже забыли, что она дочь известного писателя Франсуа Мориака, и смотрят на нее как на «свою». Это делает ее счастливой. Ей нравится то, чем она занимается, и необходимость жить одним днем. Доставляя раненых в переполненные больницы на машине скорой помощи, она впервые за свою короткую жизнь по-настоящему чувствует себя живой. У нее жизнь без прошлого и без будущего — жизнь в настоящем.

Из своей комнаты она глядит на крыши домов в Безье. Золотой вечерний свет блестит на плитке. Звонят колокола. На большом столе, служащим письменным сто-

¹ Безье́ (фр. *Béziers*) — город на реке Орб, расположенный на юге Франции, в департаменте Эро, в 12 км от побережья Средиземного моря.

ликом, лежат ее драгоценный радиоприемник и букет садовых роз. Рядом с вазой — блокнот, и, когда у нее есть время, она описывает там свои дни — это ее дневник. Тут множество фотографий ее родителей, братьев, и сестры с ребенком. На другой фотографии, расположенной сбоку, изображен молодой человек в военной форме с натянутой улыбкой на лице. Временами она смотрит на него с нежностью и любовью, но в последнее время все больше и больше старается не смотреть на него.

Прямо сейчас она внимательна только к своим собственным чувствам — физическому благополучию, вызванному мягким воздухом и обильным обедом из помидоров, яиц и чернослива, найденных на заброшенной ферме. Скоро еды станет больше, и она больше не будет голодной. Хотя боевые действия все еще продолжаются, разве война не близка к завершению?

Отчего встает следующий вопрос: придется ли ей вернуться к своей семье, о чем та ее просит, или она не подчинится и последует дальше за армией? Большинство ее знакомых уже ответили себе на этот вопрос.

Клэр закуривает сигарету. Вдохнуть дым, а затем выдохнуть через ноздри — удовольствие, которое ей не надоест никогда. Даже в самые худшие моменты выкуривание сигареты, любой сигареты, помогает ей взглянуть в лицо повседневным заботам и обрести необходимую самоотстраненность. Молодой лейтенант, которого она только что встретила, подарил ей целый блок сигарет, который он получил от американской армии. Взамен она должна показать ему местные пригороды. Но они еще не договорились на определенное место и время, а будучи солдатом, он может быть призван обратно на фронт в любой момент.

Она снова смотрит через окно на крыши домов Безье. Она полюбила этот город с самого начала, и осознание того, что она скоро покинет его, наполняет ее искренней печалью. Куда ей предстоит держать путь? И вот опять вопрос, на который она не знает ответа.

Она берет блокнот, растягивается на кровати и начинает его перелистывать, как будто перебирание своего прошлого может помочь ей принять решение о будущем. Она пролистывает страницы, посвященные первым дням в Кане², затем задерживается на тех, что посвящены Патрису, находящемуся в плену в Германии — они переписываются с начала войны. «Мой жених», — тихо произносит она. — «Мой жених...» Она поднимает взгляд на его портрет у вазы с цветами и внимательно его рассматривает. Ей кажется, что она уже совсем не может припомнить ни манеры его движений, ни тембра его голоса.

19 декабря 1943 года, во время краткого пребывания в Париже, она писала:

Провела весь день с родителями Патриса, хотя планировала зайти к ним лишь на обед. Удивительно, как я люблю его семью. Я действительно чувствую себя одной из них. Его братья очень похожи на него. Естественно, мы говорили о Патрисе. Как они любят его и как эта любовь распространяется на меня. В их глазах я женщина, которую любит Патрис и которая не может сделать чего-то не так. Не говоря уже о том, что они считают меня очень красивой.

² Кан (фр. *Caen*) — город и коммуна на северо-западе Франции, префектура (административный центр) департамента Кальвадос. Ранее был центром региона Нижняя Нормандия.

Я так изменилась с прошлого года! Год назад я была так несчастна. Патрис ничего или почти ничего для меня не значил, тогда как теперь с каждым днем он становится для меня все важнее и важнее. Раньше мне было скучно просто думать о нем, и я боялась его возвращения. Но теперь я считаю дни до того, как я смогу встретиться с ним, прикоснуться к нему, поговорить с ним, поблагодарить его за то, что он так любит меня, и за то, что он показал мне, как любить его, и как ждать его с такой радостью и нетерпением.

Год назад я провалила вступительное испытание в Красный Крест. Я была так расстроена, у меня не было веры в себя. Сегодня же я знаю, что я человек способный. На дворе конец года, и я довольна своим прогрессом. Я думаю, что работа в Кане действительно пошла мне на пользу. Я стала менее эгоистичной и, самое главное, я научилась ценить истинное счастье. Я теперь не такая избалованная, и люблю себя меньше ради себя, чем ради Патриса. Я жду его. Одна только мысль о нашей будущей совместной жизни вместе в квартире доставляет мне удовольствие.

На последующих страницах Клэр тщательно скопировала каждое письмо, которое она отправила Патрису. Она рассказывала в них о деталях своего повседневного быта, но больше всего ей нравилось мечтать об их будущем после наступления мира. Она сентиментальна, и это, наряду с постоянным повторением того, как сильно она его любит, вдруг начинает ее раздражать. «Какая детская чепуха!» — проносится у нее в голове. А сразу после этого: «Я ведь всерьез расписалась над своим будущим!» Она забывает, что ее письма являются ответом на письма Патриса, которые она хранит в чемодане и редко перечитывает. «Нет времени», — говорит она вслух, как будто кто-то спросил ее почему; она не писала ему уже не-

сколько дней, и легкое раскаяние портит ей последние затяжки сигареты. Она спешно перелистывает раздражающие ее страницы, закуривая новую сигарету от предыдущей. Лучше вернуться к более лестным эпизодам: они, безусловно, более правдиво отражают ту девушку, которой она стала, по ее мнению, благодаря войне. Как это часто бывает, это письмо она скопировала, прежде чем отдать его на переправку коллеге, собравшемуся в отпуск. Оно адресовано ее семье по адресу: авеню Теофиль-Готье³, 38, Париж, 16-й округ.

21 августа 1944 г.

Мои любимые дорогие родители, я только начинаю осознавать, что нахожусь в свободной стране и могу писать все, что захочу. Все время я думаю о вас. Позапрошлым вечером, когда по всем радио передавали новости об освобождении Парижа, мне было так жаль, что меня не было рядом, что я готова была заплакать. В тот момент я бы отдала все, что пережила за последние несколько месяцев с Красным Крестом, за то, чтобы прожить эти несколько часов в Париже.

Думаю, что вы стали свидетелями необычайных событий, а мне чуть ли не стыдно признаться, что и нечего вам рассказать.

Немецкие конвои целыми днями проходили через Безье. Но мы продолжали свою миссию на переполненных дорогах. Я сидела на крыле своей машины скорой помощи, смотрела в небо и размышляла... Несколько раз мы попадали в невиданные по размеру колонны. Из них было невозможно выйти, не считая тех случаев, когда самолеты заходили над ними, и тогда

³ фр. *Avenue Théophile-Gautier* — улица в западном Париже, районе Auteuil на правом берегу Сены в 16-м округе.

колонна останавливалась на обочине. Союзники часто стреляли из пулеметов, но никогда прямо над нами. По выражению лиц немцев и по их горящим машинам, нам было ясно, что происходит.

В прошлое воскресенье город подвергся обстрелу. С пяти до девяти часов вечера танки катились по улицам с пулеметной стрельбой: пятнадцать убитых, пятьдесят раненых. Представьте себе, ваша малышка Клэр со своей подругой Мартин и агентом тратит полчаса только на то, чтобы добраться до нашей машины скорой помощи. Самым опасным было пересечение главных проспектов. Ты делаешь шаг, и затем тебе приходится прижиматься к стене из-за потока пуль. В конце концов мы медленно пошли по середине улицы, демонстрируя наши эмблемы и подняв руки. Несколько раз они направляли на нас оружие, а затем опускали его. Мы провели более четырех часов, бродя по улицам Безье, собирая раненых. Пули свистели повсюду, это было невероятно. Немцы никогда не целились прямо в нас. В какой-то момент я оказалась между двумя танками, и немецкий солдат жестом предложил мне надеть каску. Я не боялась, и, если бы не убитые и раненые, я обезумела бы от радости. Там был человек, который бы умер от потери крови, если бы не Мартин и я. Он это знает, и каждый раз, когда мы идем в больницу, он благодарит нас. Вы даже не представляете, как мне от этого хорошо, и как это мне компенсирует много чего.

Следующие два дня я провела в моргах. Я видела ужасающие ранения; там была одна очень маленькая девушка, мертвая, и ее мать все не могла отпустить ее. Молодой боец Сопротивления — его рот был полон червей и тому подобного. Я пошла за десятью гробами.

Затем прибыли люди из Сопротивления. Они выглядели средненько, и без задора. Целый день они бродили да стреляли с крыши улиц по милиционерам⁴, которые, кажется, существовали лишь в их воображении. Тем временем я перевозила раненых после небольшой бомбежки. Самолеты пролетали над головой, обстреливая все вокруг. Я даже не успела осознать, что тоже могу погибнуть.

Вчера мы ответили на срочный призыв поехать за ранеными маки⁵ в Сен-Пон⁶. Я очень была рада услышать, что они все еще сражаются. Однако, когда мы туда добрались, после нескольких дней боев мы обнаружили там полную тишину. Немцы основательно разграбили город и собирались все сжечь, когда заметили, что у них около тридцати раненых. Мы принялись оказывать первую помощь. Увидев, что с ними будут хорошо обращаться, они сказали: «Мы выполним свой долг так же, как вы выполняете свой». И они ушли. Раненых маки уже эвакуировали, поэтому мы отвезли тяжелораненых немцев обратно в Безье. Я пробыла с ними в госпитале целый час. Они испытывали такую боль, что мне самой стало дурно. Мне хотелось их возненавидеть, однако на деле я испытывала лишь огромную жалость — только бы был какой-то способ облегчить их страдания. Один из них, бедный мальчонка лет восемнадцати, лежал с перито-

⁴ Французская милиция (фр. *Milice française*) — французские военные соединения, созданные коллаборационистским правительством Виши во время Второй мировой войны.

⁵ Маки (фр. *Maquis*) — французские партизаны, действовавшие во время Второй мировой войны преимущественно в сельской местности и боровшиеся против немецких оккупационных войск и коллаборационистских формирований режима Виши; часть движения Сопротивления во Франции.

⁶ Сен-Пон (фр. *Saint-Pons*). Вблизи Безье имеется минимум два населенных пункта с таким названием. Какой из них имеется в виду — неясно.

нитом⁷. Ему был конец, и доктор не хотел заниматься им. Его рука тянулась ко мне, обожженная, а его глаза так были полны мольбой, что я заплакала. Я думал обо всех таких парнях, которые, как он, умирают вдали от своих семей. Работа медсестры — призвание не для меня, я была бы слишком несчастной.

Пять часов дня. Я только что приехала за человеком, который погиб на моих глазах в результате воскресного обстрела. Мне не нравится видеть трупы, но еще тяжелее смотреть на их семьи, их рыдания.

Воздух тяжелый, а город полон членов FFI⁸, звезд и флагов. Мы надеемся вскоре увидеть американцев в порту Сета⁹. Поверите ли вы, что десанты должны были быть именно там, в Сете, в Агде¹⁰ и еще где-то на побережье. Они запросили карты Лазурного берега всего за десять дней до высадки там.

Клэр закрывает блокнот, чтобы поразмыслить о том, что она только что прочитала, и очистить свой ра-

⁷ Перитонит (лат. *peritoneum* брюшина + лат. *-itis* суффикс, указывающий на воспаление) — воспаление париетального и висцерального листков брюшины, которое сопровождается тяжелым общим состоянием организма (возможна опоясывающая боль).

⁸ FFI (фр. *Forces françaises de l'intérieur*) — Французские внутренние силы — единые вооруженные силы движения Сопротивления. Созданы в феврале 1944 года как объединение вооруженных формирований деголлевской Секретной армии, коммунистических Франтиреров и партизан и Организации армейского сопротивления.

⁹ Сет (фр. *Sète*; до 1927 года название писалось Сетт (*Cette*)) — коммуна на юге Франции, порт на побережье Лионского залива, в департаменте Эро. Округ коммуны — Монпелье. На 1909 год был, после Марсея, самым значительным торговым портом южной Франции. На момент 2005 года — 11-й порт по размеру во Франции.

¹⁰ Агд (фр. *Agde*) — один из древнейших городов юга Франции, расположенный в департаменте Эро, у впадения реки Эро в Лионский залив Средиземного моря. Пристань на Лангедокском канале на полпути между Безье (к югу) и Сетом (к северу).

зум. Она быстро приходит к выводу, что не лишена смелости, и, более того, у нее имеется к этому вкус. «Скорее, здоровая доза безрассудства!» — сказал бы ее начальник. Клэр, из тишины своей комнаты отвечала бы, насколько это возможно естественно: «Я люблю опасность».

Она тушит сигарету, встает и идет опереться локтями о подоконник. Солнце садится, отбрасывая тени на крыши. В небе ласточки чертят круги все меньше и громко поют, словно приветствуя конец дня и наступление ночи. Во дворе двое ее товарищей собираются на ужин в город. Как и в случае Клэр, их выходной почти закончился, и они сменили синюю форму Королевских ВВС¹¹ на одежду, в которой они похожи на обычных женщин из толпы. Клэр испытывает искушение присоединиться к ним, но в действительности ей этого несильно хочется, по крайней мере, пока. Скоро у нее будет время обойти два-три кафе, где они завсегдагаи. Есть что-то одновременно восхитительное и странное в этом дне, в течение которого не было ни одного сигнала тревоги; тишине в городе. Словно она пропустила рабочий день. Она не знает, что ждет ее на предстоящей неделе, — и это возвращает ее к вопросу о решении, которое ей придется принять через несколько дней.

Сумерки добавляют в воздух новое ощущение: Клэр дрожит. Она надевает свитер поверх своей блузки, зажигает лампы, и с удовлетворением разглядывает свое отражение в большом зеркале над камином. Ее загорелое лицо выглядит отдохнувшим, а черты лица расслаблен-

¹¹ англ. *RAF (Royal Air Forces) blue uniform* — форма Королевских Воздушных Сил Великобритании, переданная французам союзниками (т. е. Великобританией) по причине невозможности Франции произвести свою форму в должном количестве по причине нахождения страны с 1940 по 1944 в немецкой оккупации.

ными. Исчезло то серьезное выражение лица, которое она так часто носит и которое так тревожит ее близких. Она распускает свои густые каштановые волосы, которые мыла тем самым утром, и замечает, что она небрежно относится к своим рукам: они выглядят так, словно она из рабочих девиц. Ну а где она ей искать лак для ногтей или инструменты для маникюра? В Париже она могла быть иметь все, что ей угодно: уют родительской квартиры, еда в неограниченном количестве, и огонь, чтобы согреться, учитывая приближение зимы. Как и все во Франции, она ужасно натерпелась от холода за годы войны. Что ей действительно нравится в Безье, так это климат: солнечные дни с вечно голубым небом. Внезапно ее отражение в зеркале теряет свое очарование, его сменяют страх и отчаяние, о котором она почти забыла, но которое никогда по-настоящему ее не покидало. Она отворачивается от зеркала и включает радио: исполняют первую часть кларнетного концерта Моцарта¹², аллегро. В самые мрачные часы оккупации ее отец находил отдушину в прослушивании Моцарта. Иногда он запирался в гостиной совсем один, дабы полностью погрузиться в музыку. Он тогда говорил, что в анданте было «что-то вроде упрека Богу, жалобы разочарованного ребенка». И вот ей уже дышится легче. Возможно, ей следует удобно устроиться в постели почитать, с блокнотом в одной руке и свежей сигаретой в другой. Это продолжение письма родителям, которое она скопировала и где впервые рассказала им о своей жизни в Безье все, что держала в секрете.

¹² Концерт для кларнета с оркестром ля мажор K622 (нем. *Konzert in A-Dur KV 622*) — одно из последних сочинений Вольфганга Амадея Моцарта. Произведение написано в 1791 году, за несколько месяцев до смерти композитора. Это один из самых популярных концертов в репертуаре кларнетистов.

28 августа 1944 г.

Вчера прошла крупная политическая демонстрация. Я думала о Париже, и все казалось мне ужасно уродливым и мелким. И все же у стены, куда я ходила за трупами восьми человек, расстрелянных, прошла прекрасная церемония. Жизнь здесь настолько спокойна, что хочется зареветь. У меня нет никакого желания здесь торчать. Я слишком долго не получала вестей от тебя, и ни слова от папы. Возможно, вскоре я буду иметь удовольствие услышать его голос по радио.

Я помню, как писала тебе по-настоящему жалкие письма, практически прощальные, я так боялась тогда умереть. Мой страх исходил не только от трупов, с которыми мне приходилось иметь дело, или от бомбежек, но и, прежде всего, от той жизни, которую мы вели до сих пор. Подумайте только, с января по сегодняшней день в нашем отделении собирались все командиры Сопротивления региона. До высадки союзников двое или трое из них каждый день приходили на обед и часто оставались ночевать в нашем отделении. Наш начальник был агентом Сопротивления, отвечавшим за связь; дом был полон оружия, и я не могу сосчитать, сколько оружия, взрывчатки, командиров маки и прочих перевезла моя скорая помощь. Мы ходили за ранеными макизарами; мы предупреждали маки о немецких облавах. Признаюсь, это не совсем расслабляло, и временами мне было страшно, например, когда мы ждали Рене, а она вернулась только через несколько часов после назначенного времени. Мы ждали ее целую ночь! И тогда один из командиров Сопротивления сказал: «Если ее не будет здесь к полуночи, мне придется бежать, потому что гестапо, скорее всего, уже в пути». И вот, он тогда ушел, а мы продолжали ждать. Однажды ночью мне довелось подниматься на крышу с членом Сопротивления, что-

бы спрятать под черепицей все наши револьверы. Я помню, какой красивой в ту ночь была луна, и какие странные мысли пронеслись у меня в голове.

В тот день, когда мне пришлось забирать тела расстрелянных, я не хотела идти, потому что боялась, что могу знать кого-то из них. И когда я увидела тело этой бедной женщины, абсолютно ни в чем не замешанной, я подумала о себе, и у меня возникло ужасное желание блевануть. Не слишком элегантный способ отреагировать, да и ничего в итоге не произошло; я представляла себя в луже крови, как будто моя смерть уже свершилась.

Мне бы хотелось продолжать вести дневник, но об этом не могло быть и речи, слишком опасно. Гестапо искало женщину по имени Рене, но они так и не добрались до нас. Мы всегда были начеку, и у меня были наготове документы для бегства в Испанию. Бывали случаи, когда я брала с собой на задание револьвер, и, уверяю вас, сумела бы им воспользоваться при надобности. К счастью, у нас были очень хорошие отношения с комендатурой¹³, которая выдала нам разрешения, о которых мы хлопотали, потому что во время бомбардировки мы хорошо поработали. Более того, они очень доверяли Французскому Красному Кресту. Я находила эту сторону дела крайне неприятной, потому что, если бы нас поймали, это поставило бы под угрозу Французский Красный Крест, который является первоклассной и замечательной организацией. Наша машина была единственной, которую они почти никогда не останавливали. Именно на это мы и делали ставку, и почти каждый раз нам это

¹³ Комендатура (нем. Kommandantur) — территориальный орган военно-гражданской администрации Германии на территориях оккупированной Франции.

сходило с рук. В тех редких случаях, когда они останавливали машину скорой помощи, они обнаруживали макизара, притворяющегося раненым, они быстро закрывали дверь, не спрашивая никаких документов, и говорили: «У вас тут дела, все ясно!»

Я не знаю, получили ли вы письмо, в котором я пыталась вам дать понять, что ходила навестить маки. Однажды утром с двумя врачами отделения и командиром партизан франтиреров¹⁴, мы отправились к их маки высоко в горы.

В течение сорока восьми часов я находилась в лагере маки, помогая раздавать лекарства, следить за людьми, и возвращать обратно больных и раненых. В конце первого дня, только заправив бак машины скорой помощи при помощи члена Сопротивления, мы проехали мимо огромного грузовика со снабжением. Он заставил меня ехать рядом с собой и, направив автомат на водителя грузовика, приказал ему следовать за нами. В тот вечер у нас был очередной пир в лагере Маки! Эх, сколько же можно рассказать вам о том ужине, и том о вечере, которые мы провели у костра, и о том, как мы пели. Или о нашем возвращении посреди ночи с едва работающими фарами, и о вашей Клэрочке, которая вовремя остановилась на краю пропасти, или о ночлеге внутри машины скорой помощи на окровавленных носилках, с грязными одеялами, которые покрывали до этого не знаю сколько больных или умерших людей, или о сне, который

¹⁴ Франтиреры (фр. *Francs-tireurs* — вольные стрелки) — изначально термин означал сугубо французских партизан во время франко-прусской войны 1870–1871 годов, однако затем использовался в обеих мировых войнах XX века по отношению к иррегулярным французским партизанским военным объединениям. Во время Второй мировой войны французские франтиреры нередко были коммунистами.

в конце концов наступил. На следующее утро, когда было около семи, мы снова двинулись в путь.

Я вдруг подумала о высадке союзников и должна вам сказать, что мы распознали все сообщения. Так что можете себе представить, как мы были рады, когда до нас начали доходить первые из них. Чего мы не осознавали, так это того, что некоторые сообщения, например: «По моей команде, внимание!» или «Il en rougit, le traître!»¹⁵ относились ко всей Франции! Поэтому в день перед первой высадкой, когда мы услышали их, мы подумали, что они конкретно для нас! Что это была за ночь! Все были там. Один из мужчин, который сейчас стал капитаном, готовил всю взрывчатку в гостиной, и через час пошел выполнять Зеленый план¹⁶, что означало взорвать все. Мы, девочки, это слышали, и при каждом новом взрыве говорили, что его так и не взяли. Нас разочаровало не услышать ничего больше и узнать на следующий день, что они высадились в Кане.

*Бросая вызов холоду,
Преодолевая голод,
Бросая вызов собакам,
Никогда не теряя мужества,
Это те, что принадлежат маки,
члены сопротивления,
это те, что принадлежат маки,
Молодежь страны...*

Клэр напевает мелодию, которую она слышала от маки во время чудесного импровизированного ужина у костра. Она не уверена ни в словах, ни в музыке, но песня заставляет ее дрожать от эмоций и гордости.

¹⁵ фр. Он краснеет, предатель!

¹⁶ фр. *Le Plan Vert*.

Ей надо будет найти кого-нибудь, кто сможет наговорить ей точные тексты песен, чтобы она могла скопировать их в свой дневник. Она поворачивается, чтобы прочитать последнюю запись.

Суббота, 2 сентября 1944 г.

Здравствуйте, мои любимые, дорогие родители. Давно от вас ничего не получала. Я была так счастлива получить письмо о том, что с вами все в порядке! У меня все действительно хорошо. Я много работаю, но наряды последнее время такие скучные, что мне хочется зареветь.

Короче, пока ничего нового. Наконец, идет дождь, а еще ведь с той недели стояла беспощадная жара.

Вчера, после крепкого сна, мне пришлось поехать за двумя мужчинами с огнестрельными ранениями. Представьте себе первого молодого человека, естественно, из FFI: он вытаскивает револьвер, наводит его на своего сослуживца и говорит: «Я уверен, что твой не такой красивый, как мой». Тот ему отвечает: «Спокойно... разверни-ка свой ствол». «А в чем проблема?» — раздается в ответ, и первый мужчина, вынимает обойму, целится себе в живот и стреляет.

Оказалось, в стволе уже находилась пуля: она прошла навывлет и застряла в печени человека, стоявшего позади него. Не знаю, произошло ли это из-за того, что я слишком резко встала, или из-за вида всей этой крови, рвоты и их ужасных лиц, но меня охватила тошнота, и мне пришлось покинуть операционную.

Буквально минуту назад мне сообщили, что они оба умерли. Количеству несчастных случаев с огнестрельным оружием нет числа. Я не понимаю, почему

они не разоружают всех этих юнцов. Они так горды собой, что в итоге проводят все свое время, балуясь с этими игрушками.

И пожалуйста, не рассказывайте всем, что мы делали с нашими машинами скорой помощи для Сопротивления. Не забывайте, что мы работаем под знаменем Французского Красного Креста и не имели права делать то, чем занимались. Вовремя пришел час мне начать открыто работать для нашей армии. У меня не лежит душа к подпольной работе.

Игравший по радио кларнетный концерт Моцарта подошел к концу. Клэр слышала его достаточно часто, и поэтому она знает, что это третья часть — рондо. Она думает о своих двух самых близких друзьях, «ухажерах» (как их называют ее родители), которые где-то все еще воюют с немцами, и от которых она уже давно не получала никаких вестей. Совершенно спонтанно, каждый по своей инициативе, они оба стали называть ее «Кларинетт»¹⁷. Где они сейчас? Они вообще живы?

Два коротких стука в дверь, и она открывается. В дверном проеме появляется растрепанная блондинистая голова. Глаза голубые, как незабудки, орлиный нос, неотразимая улыбка: это Мартин, ее любимая коллега, чье постоянное хорошее настроение не раз поддерживало ее.

— Я схожу на кухню приготовить нам что-нибудь перекусить. Пойдешь? После сходим посмотреть, пришли ли наши в кафе.

— Буду там через пять минут.

¹⁷ фр. *Clarinette*.

Она осторожно закрывает за собой дверь, но ее пробковые туфли на каблучке громко стучат на весь коридор. Клэр берет блокнот, достает ручку, и, подпирая его, начинает писать.

Безье, 21 сентября, 1944 г.

Дорогие мои родители, если война действительно повсюду окончена, я скоро буду с вами, а если она продолжится, я поеду на фронт. Я всем сердцем надеюсь, что скоро это все закончится, и я смогу снова увидеть вас, и всем этим страданиям придет конец. Но если она продолжится, я охотно пойду на фронт.

Она сообщила им самое главное, но, может быть, она выразилась слишком резко, может быть, ей следует быть немного потактичнее и подумать о том, какое потрясение они получают, прочитав ее письмо. Может, ей стоит начать с рассказа о том, как она провела выходной? Или разузнать чего новенького у них? Это достаточно легко: она может переписать письмо после возвращения с вечеринки. Прямо сейчас словно огромная ноша свалилась с ее плеч, и она должна сразу же рассказать Мартин, а может быть, и другим девочкам, о том, какое решение она приняла.